

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Дело *сибирского* душегуба

**Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 70-х.**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Валерий Георгиевич Шарапов

Дело сибирского душегуба

Серия «Детектив-Ностальгия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70334758

Дело сибирского душегуба: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-199396-2

Аннотация

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно.

Середина семидесятых. Небольшой сибирский городок Грибов объят ужасом. На опушке леса обнаружен труп десятилетней внучки председателя горисполкома. Маньяк задушил ее, изнасиловал и потом снял скальп. В составе следственной группы, ведущей дело, работает старший дознаватель Рита Вахромеева. Она вспоминает, что череда похожих преступлений уже происходила в этом городе много лет назад. Более того, это она, Рита, была той самой девочкой, которой чудом удалось тогда вырваться из рук душегуба... Неужели нелюдь снова выше на охоту? Старший лейтенант милиции Вахромеева решает лично поквитаться с убийцей...

Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валерий Шарапов

Дело сибирского душегуба

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пролог

Распахнулись глаза – и она испытала дикий страх. Она словно ослепла, перед глазами была густая чернота. Девочка в скрюченной позе лежала на полу, руки были связаны в запястьях. Ныли мышцы и суставы, болела голова, а вкус во рту был такой, словно выпила касторку. Может, это ей снится? Нет, тогда бы не болело... Девочка подтянула под себя ноги, чтобы уменьшить боль, попыталась успокоиться. Но как? Она еще не умела управлять своими чувствами. Ей было всего одиннадцать лет! Надо просто полежать, попытаться уснуть – и все пройдет, всегда будет мама и все остальное, к чему она так привыкла... Но ничего не менялось, и ее охватывал вселенский ужас. Она была в своей курточке, но пуговицы, кажется, оторвались, шапочку потеряла... Девочка потрясла ногами – осенние ботинки, купленные мамой еще весной, были на месте. «Мама! – сверкнуло в голове, – она ведь ждет, уже пришла с работы, наверное, нервничает...»

Девочка решила: надо успокоиться. Она была умна и рассудительна для своих лет, училась на твердые четверки. «Эх, Рита, – сокрушенно вздыхала классная руководительница Зоя Максимовна, – если бы не твои регулярные приступы лени и эта пагубная привычка лезть не в свои дела, ты бы стала моей любимицей и поступила бы в любой институт Красноярска». Всегда было смешно. Какой институт? Она учится в

четвертом классе, у нее впереди еще шесть лет учебы! Боль усилилась, она подползла ближе к стене, но руки задралась еще выше. Эту прерывистую боль пока еще можно было терпеть...

– Помогите, – неуверенно произнесла Рита. – Здесь есть кто-нибудь? – она не узнала свой сдавленный голос.

Прошуршали лапки, кто-то пискнул совсем рядом. Захлестнула волна страха – Рита замычала, стала бить ногой по полу. Холодный пот выступил на лбу. Крыса убежала, затаилась в темноте. Страх не отпускал, слезы бежали по щекам, девочка шмыгала носом, давилась соплями. Происходящее было выше ее понимания об окружающем мире. Папа не жил с мамой, но все равно приходил, играл с дочкой. О Рите заботились, ее баловали, оберегали от дурного воздействия улицы. Она закричала уже громче: «Помогите! Пожалуйста!» Стала извиваться. Но руки привязали к железному крюку, вмурованному в стену, оторвать веревку было невозможно. Кожу жгло – протерла до крови. Рита дрожала, рыдания сотрясали тельце. Никто не отзывался, не приходил на помощь. Крыса не возвращалась, попискивала в темноте. Сырость пробирала до костей. Где ее хваленые спокойствие и рассудительность? Насилу успокоилась, вернее, погрузилась в какое-то оцепенение. Глаза привыкли к темноте. В какой-то момент она обнаружила, что темнота не абсолютная. Проступали стены с ободранной штукатуркой, низкий потолок, на котором болталась лампочка. Немного света посту-

пало из крошечного оконца под потолком. Значит, полуподвал, не очень глубоко под землей. Прищурившись, она увидела звезды. Сколько времени она здесь? Звон в ушах стал меньше, она стала различать звуки – теперь не только крысиный писк. Капала вода, разбиваясь о бетонный пол. Где-то вдалеке проехала машина. Девочка заволновалась, снова стала кричать. Но крик застрял в горле, она закашляла. «Не впускай в себя страх, – мысленно твердила Рита. – Не впускай, будет только хуже. Так однажды говорил папа, когда она испугалась бродячей собаки. Псина зашла во двор, глухо зарычала, ее глаза горели. Рита с воплем умчалась, хлопнула дверью. Вечером рассказала отцу. «Не впускай в себя страх, милая, – строго внушал отец. – Пусть будет рядом, но не в тебе, иначе съест. Гони его и думай головой. Это всего лишь собака, она тоже боится. Веди себя естественно, не забывай, что с любой собакой можно справиться».

Что произошло? Шла из школы. Было три часа дня. Уроки закончились в час, но после занятий было пионерское собрание. Выступала завуч Антонина Савельевна, после завуча – председатель школьной дружины Максим Дубинин. Слушали историю становления детской ленинской организации, выяснили, чем пионеры отличаются от скаутов – детской организации в буржуазных странах... Что еще? Класс приняли в пионеры девятнадцатого мая, в День пионерии, пролетело лето, сейчас осень, конец сентября. Дождь прекратился, остаток дня выдался солнечным, Рита шла в расстегну-

той куртке поверх школьной формы, на ее груди алел пионерский галстук. Не привыкла еще к нему, необычно как-то... На повороте стоял Витька Малеев (по прозвищу Бармалеев) со своими дружками. Мимо пойдешь – точно привяжутся. С Витькой в этот день поцапались на математике, сорванец дернул Риту за волосы, а та в отместку подложила ему на сиденье кнопку. Витька сел – а потом так на нее посмотрел: мол, все, портфелем по затылку не отделаешься. Пришлось свернуть в переулочек – Витька с пацанами ее не заметили. Родители наставляли: не ходи по закоулкам. Но Рита пошла. Заборы, кусты, частные дома в низине, и жильцам не видно, кто идет по переулочку. Машина стояла – вроде не легковая, в марках Рита не разбиралась. Задняя дверь была открыта, в машине возился человек в балахоне. Рита не видела его лица. «Девочка, помоги достать эту штуку, – с хрипотцой попросил дядечка. – Подержи вот здесь, а я достану». Помогать людям – первая обязанность пионера. Последнее, что запомнила – как к лицу прижали смоченную чем-то едким тряпку...

Страх вернулся: за дверью кто-то ходил! Правильно поняла: это не тот, кто ее спасет. Поскрипывала каменная крошка. Человек что-то перетаскивал, напевая под нос. Мурашки ползли по коже, девочку знобило. Повернулся ключ в замке, дверь со скрипом открылась. Возникло пятно. Горло сжалось, кричать она не могла. Слепил яркий свет. Кто-то подходил, девочка скулила, задыхалась. Казалось, еще немного,

и она умрет от страха. Голос прорезался, сначала Рита что-то пискнула, потом завизжала. Никто не препятствовал, незнакомец дождался, пока она захлебнется от визга, присел на корточки. Он с любопытством разглядывал искаженное от страха лицо девочки, получая удовольствие.

– Рита, Риточка, Ритуля... – пропел он хриплым голосом и засмеялся таким смехом, что кровь застыла в жилах. – Все хорошо, милая, потерпи, ладно? А потом мы с тобой поиграем. Я знаю одну забавную игру...

Откуда он знал, как ее зовут? Хотя все понятно, в портфеле были тетради по математике, по русскому языку ученицы 4-го «А» класса общеобразовательной школы... Пальцы коснулись плеча, побегали, сжали. Рита брыкнулась, взвизгнула – получила по макушке, и из глаз посыпались искры.

– Что же ты орешь так, Ритусик? – глухо ворковал незнакомец. – Думаешь, кто-то услышит? Веди себя прилично, ты же хорошая девочка. А знаешь, как мы поступим?

Он ушел, потом вернулся, стал разматывать широкую изоляционную ленту. Мурлыча под нос, обернул несколько раз вокруг головы девочки. Рита дернулась, но получила затрепину и замерла.

– Не вертись. Подождешь немного, хорошо? – изо рта этого зверя разило табаком, чем-то гнилостным. Дышать стало трудно, мешали сопли в носу, голова, казалось, распухла. Рита жалобно замычала. – Ну, потерпи, потерпи, – мужчина издевательски похлопал ее по щеке. – Я бы сразу тобой за-

нялся, но пока не могу.

Он привстал, проверил, как затянут узел на крюке, снова замурлыкал. Хрустнули коленные суставы, когда он поднимался. Шаги стали отдаляться, закрылась дверь, и в замке провернулся ключ. Девочка застыла в оцепенении, потекли долгие минуты. Глухо завелся двигатель, прерывисто заработал. Машина тронулась, и вскоре шум затих.

Рита выдохнула через нос, зашевелилась. Сделала попытку оттянуть языком вонючую изоленту – ничего не вышло. «Думай, думай, – говорила она себе. – Ты уже взрослая. Дома мама волнуется, папа может прийти. А мама однажды сказала, что папа только с виду такой здоровый и сильный. А на деле он больной. Не сбежал бы он к «той выдре», мама поставила бы его на ноги, а той это надо? Только и умеет задницей вертеть...» Рита привстала на колени, обернулась пару раз вокруг себя, чтобы раскрутить веревку. Поднялась на дрожащие ноги. Веревку прочно привязали к крюку, стащить не получилось, только вспотела. Это был тканевый трос с плоским сечением – очень прочный. Не капроновая веревка, которая легко развязывается. Другой конец обматывал запястья. Дотянуться до узла было невозможно, кисти так не гнулись. «Думай, думай, – умоляла она. – И перестань бояться, страх не поможет. Что было сегодня? Витька Малеев сидел на передней парте, обернулся, щелкнул тебя по носу, когда ты старательно записывала уравнение. Чуть язык не проглотила. Зоя Максимовна отвернулась, ты взяла учебник мате-

матики и треснула Малеева по башке, чтобы знал. Умнее тот не стал, дернул тебя за косичку. Ты стерпела, а потом дождалась, пока он привстанет, и сунула ему под задницу кнопку. Как красиво он подлетел... Пионеры смеялись, возмущалась Зоя Максимовна, Витька затаил обиду, да и шут с ним. Прозвенел звонок, Витька обернулся, сделал «козу» – ты дернулась, смахнула на пол пенал. Высыпались скрепки из коробочки. Витька засмеялся, убежал на перемену. Ты ползала по полу, собирала скрепки, убрала их на место, а коробочку – в пенал. Потом заметила еще одну под партой, нагнулась, сунула в правый карман форменного школьного платья, чтобы не открывать пенал и коробочку. Потом забыла. Она до сих пор в этом платье...» Ноги дрожали, не слушались, тянуло к полу. Но Рита держалась. Опустить руку в карман она не могла. Длина привязи – сантиметров двадцать. Куртка была расстегнута, не мешалась. Рита нащупала локтем форму в районе бокового кармана, потащила ее наверх. С третьей попытки платье задралось. Она вытягивала, как могла, большой палец левой руки, зацепила внутреннюю часть кармана. Потащила его наверх большим и указательными пальцами – осторожно, не дыша. Прижала карман предплечьем, чтобы не упал, просунула внутрь пальцы левой руки. Нашупала скрепку – сердце заколотилось. Выждала, перевела дыхание. Медленно стала разгибать скрепку, держа ее обеими руками. Отогнула кончик – не такой уж острый, но зазубренный. Выгнула кисть, насколько могла. Кончик канцелярского из-

делия карябал веревку у левого запястья без всякого, казалось бы, толка! Девочка заплакала – все напрасно. Она успокоилась, усилила нажим и чуть не выронила скрепку. Потом терла скрепкой несколько минут – и вдруг надорвала веревку! Сколько же времени понадобится, чтобы ее перетереть? Час? Два? А если жуткий дядька вскоре придет?

Пальцы онемели, но Рита терла, делала короткие передышки, молила бога, чтобы скрепка не выпала. Тогда все, другого шанса разрезать веревку не будет.

Это продолжалось минут сорок. Силы иссякли, но скрепка оставалась в руке. Что-то получалось. Дернула – веревка порвалась, руки оказались на свободе! Обрывки веревки повисли на крюке...

Она лежала на полу, не чуя ног, глотая слезы. Не верилось, что она это сделала. Запястья горели огнем. Стала отрывать от головы клейкую ленту, но руки ослабли, плохо слушались. Сдвинула ее на подбородок, вдохнула полной грудью, закашлялась...

В этот момент и появился страшный хозяин подземелья! Неслышно подъехала машина, где-то наверху заскрипела дверь. Слезы хлынули потоком, вернулся первобытный страх. Что может сделать маленькая девочка взрослому мужчине? Рита завывала тоскливо, обреченно...

Злоумышленник шатался по подземелью, снова что-то таскал, напевая под нос. Подошел к двери, открыл ее ключом. Вошел внутрь, встал, расставив ноги. Свет от фонаря

еще не осветил крюк в стене. Что-то просочилось между ног! Он замешкался, не успел схватить девочку за шкурку. Рита перекатилась, перебежала на четвереньках. Соседнее помещение было просторнее предыдущего. Тусклый свет поступал непонятно откуда – он почти ничего не освещал! Девочка поднялась, куда-то бросилась, свалила колченогий стул. Сама не устояла на ногах, ударилась плечом о стену. Она металась, как загнанный бельчонок, что-то роняла, получала шишки. Ее преследовал луч света, но не поспевал за хаотичными метаниями девочки. Злоумышленник сипло смеялся.

– Bravo, Ритуля, не ожидал, да ты у нас просто молодец... Иди скорее ко мне, я тебя обниму...

Сердце сжималось от страха. Рита побежала, не видя дороги, споткнулась, растянулась на холодном полу. Свет, казалось, обжег ее. Несколько мгновений Рита приходила в себя, подняла голову. Незнакомец неспешно приближался, поспеивался. Лучик фонарика высвечивал во мраке ржавые потеки на ободранных стенах, свисающую, словно бахрому, штукатурку. Какие-то измазанные лопаты, разорванный мешок с цементом. Осветилось мертвое детское лицо, рядом еще одно. Две девочки без одежды лежали рядом, их лица были в крови, в глазах застыла нестерпимая боль, а волосы... Волос почему-то не было, но было много крови – она засохла, казалось, девочки надели на головы кровавые шапочки. Рита никогда не задумывалась о смерти – ее холили, лелеяли, оберегали от всего страшного. Но что такое смерть, де-

вочка знала, недавно скончалась бабушка, и страшная тайна человеческой жизни вылезла наружу: люди, оказывается, смертные. Паралич сковал конечности, Рита безотрывно смотрела в мертвые глаза девочек. Эти бедняжки были того же возраста, что и она. Одну из них Рита знала – не близко, но видела, наверное, учились в параллельных классах... Что-то сдвинулось в голове, туман накрыл жуткую картину. Именно в этот момент с ней что-то произошло. Опустился занавес, закончился спектакль, остался лишь животный ужас. Она не могла пошевелиться, дрожали руки. За спиной раздался шорох, человек нагнулся, и тяжелое дыхание обожгло затылок. Незнакомец утробно урчал, цепкие пальцы схватили ворот ее куртки. Вернулась чувствительность, Рита завизжала, стала вертеться. Она вырвалась! Злоумышленник, не ожидавший такой реакции, замешкался. Девочка покатила по полу, вереща во весь голос, и вскочила. Луч фонарика заметался, злодей не успевал отслеживать ее перемещения. Он тоже был подвижен, не отставал. Обозначился деревянный косяк, чернота внутри проема. Рита нырнула в него за мгновение до того, как ей перекрыли дорогу. Страшный дядька уже не смеялся, он тяжело дышал и сдавленно матерился. Девочка выбежала в соседнее помещение. Здесь не было абсолютной темноты, источник света находился в смежном отсеке. Это были подвалы заброшенного предприятия или что-то в этом роде. Остатки мебели, доски, оборудование под пыльными чехлами. У девочки словно выросли

крылья! Она, как бабочка, полетела на свет. Злоумышленник споткнулся о порог, это и отсрочило неизбежное. Грязно ругаясь, он растянулся на полу, но живо поднялся, бросился в погоню. В соседнем зале горела маломощная лампочка, освещающая какие-то лопасти, обросшие грязью вентиляционные решетки. Чернел проем. Рита шмыгнула в него, взлетела по ступеням, уперлась в скособоченную стальную дверь. Она запиралась на засов. Открыть дверь не составило труда даже ребенку. Дверные петли были смазаны, засов разработан. Ее уже настигали, когда Рита кубарем выкатилась на улицу! Она помчалась, не веря своему счастью, не видя дороги, с воем покатила по кирпичной крошке. Но поднялась, обернулась. Незнакомец тоже выбежал на улицу, светил фонарем во все стороны. Испустил злорадный рык, обнаружив беглянку. Настала ночь, тучи затянули небо. Ветер налетал порывами, швырял потоки воды, льющейся с неба. Девочка не замечала дождя. Она бежала, перепрыгнула через обломок бетонной плиты. Здесь был задний двор, громоздились плиты, металлический мусор. Чуть не ухнула в открытый колодец, но сумела перемахнуть его. За спиной доносился топот, злодей приближался. Теперь она не оборачивалась, улепетывала, как заяц. Чернел лес, а может, просто лесополоса. Осенние ботиночки вязли в грязи, но страх гнал ее все дальше. Деревья были рядом. Рита задыхалась, боялась обернуться. Влетела в лес, посадила шишку на лоб, ударившись о какой-то толстый сучок. Старые осины перемежались

березами, хрустел под ногами увядающий папоротник. Пошли лопухи, нога провалилась в какую-то яму. Прыжок не удался, она упала боком, угодив в перехлесты корней. Листья репейника сомкнулись над головой. Риту обуял невыносимый страх, но она поняла, что вставать нельзя, угодит прямо в лапы подбегающему злодею. А тот уже был рядом, отдувался. Он тащил что-то тяжелое, бряцал металл. Даже представлять не хотелось, что это такое... Рита сжалась в комочек, зажмурилась. С закрытыми глазами намного проще перебороть страх...

Трещали сучья, подбежал человек. Он запнулся, глухо выругался, встал. Луч света блуждал по деревьям, по лопухам под ногами.

– Ритуся, детка, куда же ты так спешишь? – прозвучал над головой голос. – Вставай, поднимайся, родная моя, я вижу тебя...

От страха застыло сердце, ком застрял в горле. Рита съежилась и твердо решила: вставать не буду. Если надо, пусть сам поднимает. Мучительно тянулись секунды. Сердце колотилось, казалось, этот стук разносится по всему лесу. Незнакомец выжидал. Потом сплюнул, двинулся дальше. Чавкала под ногами мокрая земля. Врал он все, не видел он девочку! А ведь мог посмотреть под ноги! Рита лежала ни жива ни мертва. Треск сучьев стал затихать. Но ей не хватило терпения, она выбралась из ямы, побежала куда-то по диагонали. И зря! Злодей расхохотался, бросился напере-

рез. Его фигура мелькала за деревьями. Виднелся просвет, проехала машина. Рита первой выбежала на опушку! Куртка превратилась в лохмотья, она постоянно за что-то цеплялась. Проваливались ноги, но Рита выбралась из канавы и оказалась на проезжей части. С обеих сторон возвышался лес, слева виднелись постройки. Там – в нескольких шагах – начинался город! Трасса уносилась вдоль массивов осин. В город двигалась машина. Рита замахала руками, но тщетно, автомобиль уже уехал. Его фары озаряли вдали установленный вдоль дороги плакат с огромными буквами: «Решения XXI съезда КПСС – выполним!» Рита побежала к строениям, хотя до них было не меньше километра. Что-то черное двигалось наперерез, выбиралось из канавы. Злодей не собирался отпускать свою добычу! Ноги подкашивались от усталости, Рита бежала. А может, ей думалось, что бежит, а на самом деле она едва ковыляла... Она припустила обратно, сообразив, что не успеет проскочить. Сзади приближалась машина. Светили фары, водитель отчаянно давил на клаксон. Рита метнулась к обочине, стала отчаянно семафорить, кричать: «Помогите! Помогите!» Машина, не останавливаясь, проехала мимо. Девочка побежала дальше, она выдыхалась, чудилось, что к ее ногам привязаны чугунные гири. Приближался второй автомобиль. Рита замахала руками, кричать на уже не могла. Водитель стал останавливаться – закрипели тормоза. Это была «Победа» – «ГАЗ-М-20», не новая, с помятым капотом. Девочка бросилась к машине. За

спиной прогремел выстрел из охотничьего ружья! Следом еще один – для острастки. Заметалось эхо между обочинами. Водитель струхнул, поддал газу. Он объехал детскую фигурку и помчался дальше. За спиной прозвучал дьявольский смех. Внутренности онемели, Рита задыхалась. Она опять осталась наедине с чудовищем. Силы покинули ребенка. Рита ковыляла по дороге, давилась слезами. Дождь продолжал идти, холодные капли проникали за воротник. Отклеилась подошва от демисезонного ботинка, она болталась, мешала передвигаться. Злоумышленник топал по дороге, догонял. А Рита выдохлась, больше не могла сопротивляться. Их разделяли считанные метры. Дождь усилился, предельно ухудшив видимость. Подвернулась нога с порванным ботинком, было очень больно. Рита села посреди дороги, залилась слезами, стала растирать глаза грязными кулачками. Нависла тень чудовища, крепкие пальцы вцепились в ворот...

Глава первая

Всю ночь шел дождь, бил по стеклам, заливал дороги и тротуары. На рассвете прекратился. Когда я открыла глаза, выбираясь из странного сна, по карнизу уже ничто не стучало, солнышко пробивалось сквозь штору. Колебался потолок, который давно пора было побелить. Сон был очень странный, невероятные события происходили словно в реальных декорациях. Оставалось лишь гадать, что это было. Я выбиралась из кровати, как из зыбкого песка. Настенные часы показывали половину девятого. Ничего ужасного, сегодня суббота. Я сидела на кровати, стряхивая остатки сна. Рядом что-то заворчалось, отогнулось одеяло, возникло существо мужского пола – заспанное, взъерошенное. «Вахромеева, ты падшая женщина», – с тоской подумала я.

– Малеев, что ты делаешь в моей постели? – прохрипела я. В голове витали обрывки недосмотренного сна (а бывают вообще досмотренные сны?), смутные мечтания и какое-то безотчетное беспокойство.

– Вахромеева, перестань, мы с тобой шесть лет женаты... – отозвался мужик и снова спрятался под одеялом.

Я машинально себя ошупала, ночная сорочка была на месте. Ладно, поверим на слово... Голова возвращалась в норму, сон уже не путался с явью. Спать не хотелось. Я натянула халат, побрела на кухню. Солнце передумало ярко све-

тить, спряталось за облаками. Я отогнула занавеску, убедилась, что нет дождя, машинально потрогала батарею. Тепло не дали, хотя могли бы, сентябрь в разгаре, а живем мы не в Сочи. Пока еще было терпимо, но с каждым днем становилось неуютнее, приходилось спать под двумя одеялами. На газовой плите забурчал чайник. Я слила подогретую воду в турку, добавила кофе и включила соседнюю конфорку. Кофе превращался в дефицит, добыть его без нервов становилось невозможно. Я задумалась, в итоге чуть не проворонила кофе – отставила турку, когда по ней уже сползала пена.

Жизнь возвращалась с каждым глотком напитка, очертания предметов становились резче. Я обитала в двухкомнатной квартире на шестом этаже девятиэтажного дома в центре славного городка Грибова, затерянного в красноярской тайге. Стандартные комнаты, стандартная кухня, стандартный вид из окна во двор. Я стояла у окна с чашкой в руке, смотрела вниз, словно искала что-то новое в застывшем пейзаже. Но там ничего не менялось. Заборы, детская площадка, напротив – пятиэтажка с залитой гудроном крышей. Несколько машин, редкие прохожие, задирающие голову к небу. На торце райисполкома, до которого по прямой двести метров – белым по красному: «Решения XXV съезда КПСС – одобряем!» На дворе 18 сентября 1976 года, суббота. Плакатов и транспарантов в стране победившего социализма становилось больше, колбасы – меньше. Приближалась знаменательная дата, до нее оставался год с хвостиком – шестидеся-

тая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Большую часть своей сознательной жизни я провела в Грибове. Городок не самый захудалый, сорок тысяч населения, 150 километров на северо-восток от Красноярска, между Енисеем и Бирюсой...

Я забралась в одноименный холодильник, поискала что-нибудь съедобное. Добытчик в семье отсутствовал. Пожевала вчерашнюю кашу, вынула тарелку с позавчерашними пельменями, прикрытыми блюдцем. Съела их с остатками кофе. Снова застыла у окна, всматривалась в лица прохожих. Город раскинулся на десять километров. А с учетом окрестных деревень и поселков – целая агломерация. Важный индустриальный центр, здесь работал мощный оловокомбинат, ставший некогда градообразующим предприятием. Помимо «Оловяшки» – еще ряд заводов и фабрик, в основном обрабатывающих цветные металлы: цинк, свинец, медь, кадмий. Месторождения находились севернее – тайгу прорезала сеть узкоколеек. Грибов был классическим промышленным городом. Дым, смог, вредные и не очень выбросы. Трубы заводов тянулись в небо. Жилые зоны чередовались с индустриальными районами, простирался обширный частный сектор, который неспешно заглатывали серые пятиэтажки. Но зеленых зон в городе хватало, власти с переменным успехом боролись со свалками, разбивая скверы. Я не была фанаткой этого поселения, но все же признавала – оно не хуже других. Упрощенная версия какого-нибудь уральского индустриаль-

ного района. Зато за городом, в какую сторону ни пойдешь, начиналась девственная, никем не испорченная природа...

– Дорогая, что делаешь? – донесся из спальни слабый голос.

– Курю, – отозвалась я.

– Ты же не куришь.

– Ладно, ты меня раскусил, – я вздохнула. – Не курю.

– Может, полежим? – в голосе благоверного прослеживалась неуверенность. Он словно и не хотел.

– Может, вечером? – отозвалась я с той же неуверенностью.

– Ладно... – он драматично вздохнул, заскрипела кровать, видимо, перевернулся на другой бок. Возвращаться в постель решительно не хотелось, но как ему это объяснить человеческим языком? От неловкой ситуации избавил телефон, зазвонивший в прихожей. Я отправилась в коридор, пулей промчавшись мимо спальни.

– Вахромеева, ты? – грубовато осведомился старший лейтенант Полухин, дежурный по управлению.

– И что? – буркнула я, – Тридцать лет как Вахромеева и еще бы дважды по столько не возражала. Что надо? – безотчетное беспокойство вдруг усилилось, отодвинув в сторону меланхолию и неловкость.

– Тебе же нет тридцати, – задумался дежурный. – Знаешь, Вахромеева, ты единственная в мире баба, которая преувеличивает свой возраст. Хатынский просил передать, что хо-

чет видеть тебя на работе. Кое-что произошло...

– А то, что на дворе суббота – ничего?

– Ничего, – уверил Полухин, – это нормально. Преступники работают без выходных, нам надо брать с них пример.

– Что случилось, хоть намекни? – настроение было и так-то не очень, а теперь окончательно свалилось на дно колодца.

– Я точно не знаю... – начал выкручиваться дежурный. – Лазаренко принимал вызов... Слушай, Вахромеева, не тяни резину, приезжай, сама все узнаешь... – Голос дежурного по управлению подозрительно дрогнул, и он швырнул трубку.

А я свою положила аккуратно – ее так часто швыряли, что треснул корпус, и пришлось обмотать его изолентой. В финальных нотках дежурного звучало что-то... растерянное, что ли. Вроде ко всему привыкли. Или еще нет? По правде, не хотелось сидеть дома. Бежать на работу тоже не хотелось, но это другая история. Когда я пробежала мимо спальни, Малеев снова высунул нос из-под одеяла, сладко зевнул.

– Далеко, дорогая?

– На работу вызывают, – отчиталась я.

Шкаф с одеждой находился в гостиной. «Ты ужасно не организованна», – сокрушался мой избранный. Я не возражала. Однако смысл имелся: терпеть не могу одеваться в присутствии посторонних. В полный парад сегодня можно было не облачаться. Я надела строгий костюм, рассчитанный именно на то, чтобы никто не заподозрил во мне женщину, причесалась. Из зазеркалья смотрела странная особа с серо-

ватым лицом и зелеными глазами. Ей не мешало бы потолстеть. Крутиться перед зеркалом было не самым моим любимым занятием. С некоторых пор отражение перестало молодеть. Большого неприятия оно пока не вызывало, но уже начинало раздражать. Это был тревожный звоночек. Я снова куда-то проваливалась. Мысли потекли обходным маршрутом. Опомнилась, бросилась в прихожую.

– Когда придешь? – крикнул вдогонку Малеев.

Аж злость взяла – разлежся тут. Законный выходной у человека. Творческий работник, замдиректора Дома культуры – там никого не убивают, не грабят, начальство с ножом у горла не стоит, ежедневные отчеты не требует...

– Даже не знаю, милый, – проворковала я. – Хотелось бы пораньше, но с этой работой, сам знаешь... Раньше вечера не жди. Можешь уборку сделать, ужин приготовить, займись чем-нибудь...

– А поцеловать? – спохватился Малеев, но я уже была в прихожей.

– Вечером! – прокричала я, всовывая ноги в чехословацкие демисезонные туфли.

Приличный, кстати, год. В СССР потоком шли товары из братских восточноевропейских стран. Чешская обувь, одежда из ГДР и Польши, болгарский табак, овощи, фрукты, югославская кухонная техника. Доставалось это, понятно, не всем, но если имеешь знакомства и определенные навыки в добывании товаров, то в целом без проблем. И вообще хоро-

ший год. Развитой социализм построили, войн нет, отгремела Олимпиада в Инсбруке, где Советский Союз занял второе место, отгремел XXV съезд партии с очередными эпохальными решениями. Неувядающий Леонид Ильич съездил на Кубу, где обнимался с товарищем Фиделем Кастро, о чем-то договорился в Ливии с товарищем Каддафи, подписал договор с Америкой о подземных ядерных испытаниях в мирных целях. В Набережных Челнах вступил в строй автомобильный гигант КамАЗ. В Липецком научном центре заработала первая электронно-вычислительная машина. По всей стране открывались крупные рыбные магазины «Океан» – и до изобилия (по крайней мере, рыбного) было теперь рукой подать...

В прихожей я снова глянула в зеркало. Для определения, так сказать, мнения о том, готова ли к труду и обороне старший лейтенант милиции Вахромеева – заместитель начальника отдела дознания Грибовского УВД? Что-то в этом взгляде внушало сомнения. Беспокойство росло, колебалось на грани паники. Я ничего не понимала. Видимо, не стоило ехать на работу. Но я поехала.

Рядом с домом коротал ночные часы в меру ржавый синий «Москвич-408», купленный в прошлом году у более удачливого коллеги, присмотревшего «Москвич-412». Права я получила в ДОСААФ два года назад. Сколько крови при этом пролилось, лучше не вспоминать. До работы четыре минуты езды на машине – можно пешком, но как-то не по чину...

Не дойдя до своего кабинета, я в коридоре столкнулась с подполковником Хатынским. Высокий, седоватый, за пятьдесят лет, Виктор Анатольевич производил положительное впечатление. С подчиненными общался уважительно, спокойно. Мог, правда, иной раз и наорать, но особо этим делом не увлекался.

– Вот ты где, Вахромеева, – обрадовался Хатынский. – Большое спасибо, что вышла на работу – от всего коллектива, так сказать, и от себя лично. Не бойся, без иронии. В кабинет можешь не заходить. Опера выезжают через три минуты. Поедешь с ними. Скажу по секрету – это убийство... – Виктор Анатольевич как-то стушевался, стал прятать глаза – ну, вылитый дежурный Полухин номер два!

Я открыла было рот, чтобы напомнить о своих обязанностях. Подразделение дознания занимается расследованием уголовных дел и направлением их в суд. Но только этим оно роднится со следствием. Наши отделы расследуют преступления небольшой и средней тяжести, за которые могут отправить за решетку максимум лет на пять. Тем самым мы своей работой снимаем нагрузку со следователей, избавляя их от необходимости заниматься пустяками. А еще органы дознания проводят предварительное расследование по уголовным делам, в которых не обязательно проведение предварительного следствия.

– Так, помолчи, – поморщился Хатынский. – Знаю, что ты хочешь сказать. Хорошо, кстати, выглядишь, Вахромеева.

Немного серовато, формально, но... хорошо.

Два года назад Виктор Анатольевич пытался за мной приударить. Вился кругами вокруг моего стола, заходил без причины, всячески опекал. Однажды предложил посидеть в кафе после работы. «Это приказ?» – пошутила я. И напомнила про мужа – тезку моего нового воздыхателя. Объяснила тактично, стараясь не задеть тонкие мужские струны – ведь все они такие нежные, чувствительные! Проблемы на работе мне не требовались. Вроде разошлись, пошутили на прощание, Виктор Анатольевич оказался незлопамятным. У него была семья – две дочери, улетевшие из семейного гнезда, супруга – милейшая интеллигентная женщина. Что еще надо мужику?

– Войди в положение, Вахромеева, – увещевал Хатынский. – Следователь Кожемякин в отпуске, поехал к родным на Сахалин. А это далеко даже от нас. Липницкая в больнице – по вашим женским делам. Больше никого, хоть шаром покати. Так что прогуляйся, Вахромеева, в качестве исключения. Ознакомишься с ситуацией, соберешь отчеты криминалистов, оперативников, возбудишь уголовное дело, а большего от тебя и не требуется. Ты сможешь. Или не мечтаешь уже стать нормальным следователем?

– Кого убили-то? – проворчала я.

– Поезжайте, товарищ старший лейтенант, и во всем разберитесь, – подполковник отвернулся и стал удаляться.

Преследовало ощущение, что меня подставляют. Имелись

догадки, но так не хотелось в них верить... Путешествовать с опергруппой я отказалась, отправилась своим ходом, уточнив координаты: второй километр Приваловского шоссе. «Москвич» начинал барахлить – заводился после долгих уговоров, издавал пугающие звуки.

«Замок зажигания надо менять, – объяснил всезнающий слесарь дядя Володя из управленческого гаража. – И генератор капитально ремонтировать. Но на нас, дорогуша, даже не рассчитывай, все запчасти под строгим учетом. Ищи сама и приноси – сделаем».

Дефицит запчастей в Стране Советов был чудовищным – даже для сотрудников органов. Родному мужу проблемы машины были до лампочки. Но машина пока ездил, и то хорошо...

Приваловское шоссе стартовало от автовокзала на восточной окраине, перебегало мостик через Карагач и терялось среди лесов и деревень. Я медленно вела машину, объезжая выбоины в асфальте. Водители-мужчины, обгоняя меня, посмеивались, какой-то хам гудел в спину.

С приближением к месту происшествия становилось беспокойно. Трасса на этом участке входила в поворот к мосту. Встречные машины выскакивали из слепой зоны, тархтели по своей полосе. Слева к обочине подступал старый осинник, справа простирался сосновый бор. У левой обочины стояли машины патрульного экипажа, криминалистов, опергруппы на стареньком рижском «рафике». Я встала у

обочины, забрала свою сумку с ремешком, папку с бланками. На опушке курили люди, смотрели на меня без обычного снисхождения. Я, обходя лужу, споткнулась. Никто не издевался, не иронизировал, хотя в иной день из кожи бы вылезли. Миша Хорунжев – молодой лейтенант с непокорными вихрами – даже помог перелезть через поваленную березу. Опера, покуривая, молчали. Отвернулся Глеб Шишковский – спокойный и рассудительный малый, – не дурак поленился, но опер нормальный. Саня Горбанюк – рослый, стремительно лысеющий мужик, временно исполняющий обязанности начальника угро – сухо кивнул. Я тоже держалась официально.

Среди деревьев, метрах в пятнадцати от опушки, возились люди: криминалист Головаш Владимир Александрович – еще молодой, но уже много повидавший и грамотный, и взятая им на стажировку недавняя выпускница мединститута Римма Высоцкая, особа впечатлительная, между прочим, отличница. Сегодня Римма усердия не проявляла, двигалась приторможенно, и вид имела такой бледный, словно завтра ей рожать.

– Что случилось? – негромко спросила я.

– Она даже не в курсе, – вздохнул Хорунжев.

– В курсе чего? – разозлилась я. – Все такие таинственные, слова не вытянешь.

– Девочку убили, – пояснил Шишковский. – Тело полтора часа назад нашли грибники. Сейчас опят в лесу – хоть лопа-

той гребни...

К горлу подступил ком. Вот и сбывалось то, что пророчилось... Но что-то в этом деле все равно было не так. При чем тут моя персона? Или беда на всех общая?

– Та самая девочка? – спросила я.

– Та самая, – мрачно и торжественно подтвердил Горбанюк. У него был густой выразительный голос – с таким природным даром мог бы и диктором устроиться.

Двое суток назад пропала десятилетняя Дина Егорова, ученица четвертого класса средней школы № 1 и внучка председателя горисполкома товарища Егорова Павла Афанасьевича. Никто специально девочку не охранял, город спокойный, преступность не лютует. Возможно, присматривали, но у семи нянек, как известно... К тому же девочка проживала в обычной семье, сын Павла Афанасьевича привилегиями не пользовался. Девочка росла непоседливой, постоянно куда-то пропадала, но чтобы на двое суток... За ней присматривала няня, проживавшая в том же подъезде. Соседке, разумеется, приплачивали. Довести до школы в соседнем квартале, привести домой, накормить – вот и все обязанности. Супруги трудились на заводе «Красмет» – молодое начальственное звено. В четверг соседка, как обычно, отвела егозу в школу, вернулась домой. Около часа дня пошла обратно – Дины уже не было. Пропала на перемене перед последним уроком. Перемена была длинной, многие ученики проводили время на улице. Выбегали и за пределы школь-

ной территории. По словам подружек, подобрали на задворках бездомного котенка, стали с ним играть, потом вспомнили – надо на урок. Дина сказала, что сбегает к соседнему дому, может, пристроит котенка в добрые руки. Не бросать же его. Или пускай присмотрят, а после урока она заберет его домой – пусть мама с папой порадуются. Подружки побежали в школу, а Дина припустила через гаражи к жилым домам. Там целый квартал пятиэтажек. К началу урока Дина не пришла. К концу – тоже. В школьном дворе ее не было. Никто не видел девочку в нарядной пятнистой куртке и с забавными косичками. Соседка вся избегалась, пила корвалол с валидолом. Прибежал отец ребенка, приехала мать, впала в истерику. К окончанию рабочего дня в школу в сопровождении начальника ГУВД прибыл товарищ Егоров, он сильно волновался. Девочка не нашлась. Ждать двое суток не стали, заявлению дали ход. Соседку прессовали – ей по-настоящему стало плохо. За женщиной не было никакой вины. Весь остаток дня милиция прочесывала район, оперативники опрашивали жильцов. Ничего. В жилом массиве девочку, тем более с котенком, не видели. Хозяева гаражей разводили руками. Зачем она вообще здесь пошла? Пожилой автолюбитель припомнил, что вроде видел незнакомую машину, капот высывался из кустов. Насчет окраски не уверен – может быть, черная, синяя, темно-коричневая. С маркой – та же беда. «Москвич-408», «Москвич-412», «Иж-Комби» – у всех передок примерно похожий. И зрение у пожилого автолюбителя

теля так себе. Водителя рядом с машиной не видели. К тому же машина могла и не иметь отношения к пропаже ребенка. Стояла, что с того? Вечером Дина домой не вернулась, утром – тоже. Родители сходили с ума, Павлу Афанасьевичу вызвали скорую помощь. Милиция тактично интересовалась: не связано ли происшествие с его работой? Не было ли завистников? Не переходил ли кому дорогу? Не ввязывался ли Павел Афанасьевич в предприятия, не особо одобряемые Уголовным кодексом? Егоров категорически отвергал инсинуации. Оперативники недоумевали: куда могла пропасть девочка? Решила насолить родителям? Маловата для таких демаршей. И не тот характер, все в один голос утверждали: девочка домашняя, ссориться не любит. А мама с папой категорически запрещали заводить котенка...

Последнего, кстати, нашли. В кустах между гаражами. Лежал и жалобно мяукал. Пушистый, со светлым пятном на грудке. Подружки подтвердили: тот самый. Мать, когда услышала, разразилась горьким плачем. Дело принимало скверный оборот.

И все же подобного исхода дела не ожидали. Что угодно, только не это...

– Тебе, Маргарита Павловна, на это лучше не смотреть, – мрачно сказал Мишка Хорунжев.

– Может, сразу уволиться? – огрызнулась я. – Ладно, всякое видали.

– Не думаю, – поморщился Шишковский. – Такого, Мар-

гарита Павловна, даже мы не видели.

Я ступила в лес, как на минное поле, шла по нему, и дышать становилось все труднее. Тело лежало в густых лопухах, криминалисты накрыли его тканью, видимо, закончили работу. Римма сидела на корточках и заполняла бланк шариковой ручкой. Покосилась на меня, ничего не сказала. Отличительной чертой этой девушки были задорные веснушки, облепившие всю физиономию, а особенно курносый нос. Назвать ее симпатичной ничто не мешало, даже веснушки. Бледность прошла, и в графе «опыт» можно было поставить еще одну галочку.

Головаш разглядывал меня с меланхолией.

– Язык не повернется сказать «доброе утро», Маргарита Павловна. Скажем просто – здравствуйте.

– И вам того же, ребята... – в горле подозрительно запершило. – Это точно Дина Егорова?

– Да, – кивнул Владимир Александрович. – Тело обнажено, одежды нет. Личных вещей вроде школьного ранца тоже нет.

– Ранца не было, – подсказала я. – Пропала на перемене, была в шапке и курточке. Вещи оставались в классе.

– Принято, – кивнул Головаш. – Ее раздели, задушили, изнасиловали...

– Вы уверены, что именно в этой последовательности? – спросила Римма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.